

Геополитическое измерение казахстанско-иранского партнерства

Комментарий Центра АРВАК, 02.07.2026

Аннотация

АРВАК рассматривает углубление торгово-экономического и логистического сотрудничества между Казахстаном и Ираном. Основное внимание уделено развитию транспортного коридора «Север–Юг» и взаимным инвестициям в портовую инфраструктуру как инструменту диверсификации маршрутов в обход Азербайджана. Авторы анализируют данный процесс не только как экономический проект, но и как геополитический инструмент Астаны, направленный на сдерживание возрастающего влияния Турции в Центральной Азии и укрепление регионального баланса сил.

Ключевые слова: Казахстан, Иран, транспортный коридор «Север–Юг», Центральная Азия, логистика, геополитика, Турция, портовая инфраструктура, диверсификация маршрутов, баланс сил, международные отношения.

1. Новый этап сотрудничества Астаны и Тегерана

В середине июня стало известно, что Казахстан и Иран достигли договоренностей об ускорении развития транспортных коридоров, портовой инфраструктуры и инвестиционного сотрудничества. Прибывшая в Астану делегация ИРИ во главе с министром дорог и городского развития Фарзане Садек обсудила с казахстанскими властями график уже ведущихся работ и новые инициативы в рамках развития маршрута «Север–Юг». В частности, обсуждались вопросы расширения портовой инфраструктуры, увеличения объема взаимной торговли и совершенствования транспортно-логистических связей между двумя сторонами.

2. История и основные направления взаимодействия

Фундамент масштабного и системного торгово-экономического партнерства Казахстана и Ирана был заложен в декабре 2025 года, когда президент ИРИ Масуд Пезешкиан посетил Астану для подписания ряда ключевых соглашений. На тот момент показатели двустороннего сотрудничества включали товарооборот в размере \$430 млн и объем грузоперевозок по коридору «Север–Юг» на уровне 3,5 млн тонн. В рамках визита стороны утвердили дорожную карту, нацеленную на увеличение взаимной торговли до \$3 млрд и качественное расширение пропускной способности связывающих государства мультимодальных транспортных маршрутов. Основой этих инициатив стала договоренность о взаимном предоставлении права на приобретение земельных участков и инвестирование в развитие портовой инфраструктуры. Казахстан предложил Ирану портовую инфраструктуру, включая причалы и терминалы в Актау и Курыке, для укрепления логистического присутствия иранского бизнеса на Каспии. В качестве ответного шага Тегеран завершил процедуру выделения земельного участка для Казахстана в порту Шахид Раджаи (Бендер-Аббас) и подтвердил доступ к порту Чабахар, открывающему прямой путь к рынкам Южной и Юго-Восточной Азии. По данным иранской стороны, готовность железной дороги Захедан–Чабахар превышает 90%, а ее запуск ожидается в ближайшее время. Эта магистраль обеспечит полноценную интеграцию порта Чабахар в международную транспортную сеть, связывающую Индийский океан с Центральной Азией и Европой. Данный проект выступает фундаментом четырехстороннего

тарифного соглашения между РФ, Казахстаном, Туркменистаном и Ираном, создавая стимулы для наращивания регионального транзита и товарооборота.

Следовательно, Астана и Тегеран нацелены на дальнейшее укрепление торгово-экономических связей, развивая сотрудничество как в многостороннем формате ЕАЭС–Иран, так и на базе прямых межгосударственных договоренностей. В центральноазиатском регионе, опираясь на логистическую ось «Север–Юг», формируется качественно новая архитектура экономического сопряжения, которая обладает всеми предпосылками для трансформации в долгосрочный альянс в сфере региональной безопасности.

3. Геополитический контекст и своевременность соглашений

Примечательным аспектом казахстанско-иранских договоренностей является период их достижения. Визит президента ИРИ Масуда Пезешкиана в Астану, заложивший основу качественно нового этапа двусторонних отношений, состоялся в промежутке между двумя антииранскими кампаниями, инициированными американо-израильским тандемом. Несмотря на осознание высокой вероятности начала второй войны против Тегерана, руководство Казахстана решило пойти на сближение с иранскими властями для обсуждения перспектив масштабного взаимодействия. Даже в условиях неопределенности относительно будущего государственности и теократического строя ИРИ Астана продемонстрировала готовность к долгосрочному партнерству именно в ходе визита Пезешкиана.

Июньская поездка иранской делегации в Казахстан состоялась в крайне непростой период, когда отношения между США и Ираном находились в неустойчивом равновесии между поиском мирного урегулирования и риском новой эскалации. В этих условиях Астана вновь подтвердила свое намерение активно развивать диалог с Тегераном, невзирая на нестабильность ближневосточного региона и угрозу масштабного вооруженного столкновения. Руководство Казахстана предпочло действовать оперативно, игнорируя возможную негативную реакцию Вашингтона, для которого укрепление связей между Астаной и Тегераном противоречит стратегии экономической блокады Исламской Республики. Подобный курс подчеркивает приоритетность форсированного сближения с Ираном для внешней политики Казахстана и, вероятно, основывается на оптимистичных ожиданиях Астаны относительно мирного урегулирования ситуации вокруг ИРИ.

4. Пересмотр логистики коридора «Север–Юг»

Другой важной чертой данного процесса является попытка трансформации торгово-транспортного коридора «Север–Юг». На фоне стагнации железнодорожного проекта Иран–Азербайджан–Россия, вызванной финансовыми, техническими и политическими барьерами, Астана и Тегеран приступили к реализации альтернативных сухопутных и морских путей через Туркменистан и Каспий в обход Азербайджана. Данная инициатива во многом исходит от Тегерана, стремящегося к масштабной диверсификации своих северных маршрутов. Иран традиционно стремился избежать концентрации транзитных потоков в сторону проблемного Азербайджана, последовательно развивая железнодорожные и шоссейные связи через Армению, Туркменистан и Турцию. Углубление кризиса в отношениях с Баку, усиление там протурецких настроений и

сближение республики с Израилем окончательно убедили Иран в необходимости диверсификации путей сообщения. После двух войн, спровоцированных США и Израилем, в которых, по оценке Тегерана, Баку принимал опосредованное участие, переход на альтернативные маршруты стал для иранской стороны стратегической необходимостью.

Казахстан, детально анализируя текущую динамику, грамотно использовал возможность перенаправить на свою территорию ключевые транспортные потоки по направлению «Север–Юг». Ранее Астана уже смогла результативно вписаться в логистику Восток–Запад, обеспечивающую связь между КНР, ЕС и европейскими регионами РФ. Однако нынешняя стратегия Астаны создает прямую конкуренцию планам Баку, который претендует на статус главного хаба в транзитных сетях коридора «Север–Юг». Более того, подобные действия затрагивают интересы Турции, препятствуя реализации ее планов по доминированию в транспортной логистике Ближнего Востока, а также мешая реализации политики Анкары по консолидации тюркских государств и укреплению позиций в Центральной Азии.

Инвестируя в развитие портовой инфраструктуры Чабахара и Бендер-Аббаса, Казахстан значительно наращивает мощность этих ключевых логистических узлов. Данные порты выступают конкурентами турецко-иракскому проекту *«Дорога развития»*, целью которого является соединение иракского порта Аль-Фао с Россией и Европой через Турцию. С 2024 года Анкара активно продвигает этот маршрут как наиболее эффективный и кратчайший путь, связывающий Индийский океан с северной частью Евразии. Параллельно с этим Тегеран продвигает альтернативные логистические схемы, обеспечивающие транзит из Оманского и Персидского заливов на север к Каспийскому морю с последующей интеграцией в маршрут «Срединный путь». Значительные инвестиции Астаны в иранские инициативы продиктованы ее экономическими приоритетами, однако подобный курс вступает в противоречие со стратегическими планами Турции.

5. Региональная конкуренция и интересы Турции

Для Анкары гораздо более серьезным вызовом выступает то, что Астана фактически содействует расширению экономического присутствия Ирана в Центральной Азии. Казахстан открывает возможности для реализации иранских экономических проектов, которые со временем могут трансформироваться в политическое влияние Тегерана. В условиях, когда Турция стремится к единоличному лидерству в рамках тюркской интеграции, она не заинтересована в усилении иранского присутствия. Иранский фактор способен стать противовесом турецкой «мягкой силе», опирающейся на идеи тюркоцентризма и суннитской солидарности.

Несомненно, Анкара активно задействовала этническую и религиозную общность с центральноазиатскими государствами для укрепления своих позиций в соперничестве с Россией, Китаем и западными странами. Вместе с тем появление в этой борьбе Ирана – еще одной мощной исламской державы, расположенной в непосредственной близости и исторически оказавшей значительное влияние на культурный облик региона, – способно серьезно подорвать доминирование Турции в Центральной Азии.

Хотя в краткосрочной перспективе Тегеран вряд ли сможет составить прямую конкуренцию Турции в Центральной Азии, текущее развитие отношений с Казахстаном закладывает фундамент для серьезных изменений. При условии вовлечения Туркменистана и сохранения набранного темпа взаимодействия Иран обладает потенциалом со временем трансформироваться в значимый геополитический и экономический полюс, способный оказывать влияние на региональный баланс сил.

6. Выводы

В макрорегионе формируется обновленная архитектура взаимодействия, в рамках которой геополитическое планирование опирается на экономическую интеграцию. Астана последовательно продвигает проект превращения Казахстана в автономный транспортно-логистический узел, обеспечивающий выход региона к Персидскому заливу и Индийскому океану через территорию Ирана. Привлечение ИРИ в качестве еще одного значимого исламского игрока позволяет Казахстану создать эффективный противовес доминированию Турции в Центральной Азии. Тегеран, в свою очередь, посредством этого партнерства решает задачи по преодолению международной изоляции, расширению транзитных опций и восстановлению своего исторического влияния в данном регионе.

Системное воплощение Астаной инициатив, идущих вразрез с интересами Анкары, обусловлено стремлением Казахстана ограничить доминирующее влияние Турции в Центральной Азии. Астана, осознавая потенциальные трения с Анкарой, планомерно углубляет партнерство с иранской стороной, стремясь ограничить доминирующее турецкое влияние. Не исключено, что данный курс поддерживается Пекином, который также не заинтересован в чрезмерной сплоченности региональных государств на основе тюркской идентичности. Ранее Центр АРВАК в материале от 30.05.2026 г. ([«Саммит ОТГ в Туркменистане: «Цифровой коридор» и кризис казахско-турецких отношений»](#)) уже анализировал причины дистанцирования Казахстана от военно-политической интеграции в рамках ОТГ. Настоящий обзор подтверждает данный тезис, демонстрируя использование иранского фактора в качестве инструмента уравнивания позиций Анкары.

Заключение

Таким образом, на обширном пространстве Ближнего Востока и Центральной Азии формируется обновленная структура внешнеэкономических связей, ориентированная на конвертацию торгового взаимодействия в геополитические дивиденды. В рамках данной модели Казахстан утверждает себя в качестве суверенного экономического центра, формирующего независимые транспортные векторы в направлении Ирана, Персидского залива и Индийского океана. Интеграция второй по значимости исламской державы в региональные процессы позволяет Астане диверсифицировать систему сдержек и противовесов, что критически важно в условиях доминирующего влияния Турции в Организации тюркских государств. Для Тегерана данное партнерство открывает историческую возможность для преодоления международной изоляции и диверсификации маршрутов по линии «Север–Юг», обеспечивая прямой выход на рынки Центральной Азии и способствуя восстановлению культурно-политического присутствия в регионе, исторически связанном с персидской цивилизацией.